

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

ПОЛЯРИЗАЦИЯ ДИСКУРСИВНОГО ПРОСТРАНСТВА (НА ПРИМЕРЕ ХЭШТЭГА #RUSSIA В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ TWITTER)¹

Мирошниченко Инна Валерьевна, доктор политических наук, доцент
Кубанский государственный университет
Российская Федерация, 350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149
E-mail: mirinna78@mail.ru

Рябченко Наталья Анатольевна, кандидат политических наук, доцент
Кубанский государственный университет
Российская Федерация, 350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149
E-mail: rrmatali@mail.ru

Гнедаш Анна Александровна, кандидат политических наук, доцент
Кубанский государственный университет
Российская Федерация, 350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149
E-mail: anna_gnedash@inbox.ru

Обоснована объяснительная модель дискурсивных практик актуализации политической субъектности социально-политических акторов в пространстве сетевой публичной политики. Используя методику структурного и реляционного сетевого анализа в исследовательском кейсе хэштэга #Russia в социальной сети Twitter, выявлены эмпирически фиксируемые признаки различных уровней дискурсивных практик социально-политических акторов и «ролевые» характеристики их политической субъектности, выполняющие различные функции «производителя», «потребителя» или «ретранслятора» политического дискурса. Структурное многообразие сетевых сообществ в онлайн-пространстве сетевой публичной политики обретает чёткие политико-культурные установки конкретных политических субъектов, которые посредством дискурсивных практик формируют когнитивные схемы и модели, обуславливающие эмоциональное и ценностное восприятие политики и политическое поведение не только отдельных граждан, но и сообществ национального масштаба. Поляризация пользователей дискуссионного ядра #Russia социальной платформы Twitter показала, что дискурсивные практики институционального проектирования политической действительности, которые продемонстрировали «лидеры мнений» – американский сенатор Джеймс Лэнкфорд и представительство российского международного многоязычного информационного телеканала RT, могут транслироваться ценностно-ориентированными сообществами – «сенсорами», которые, разделяя когнитивные модели «лидеров мнений», придают контенту собственные коннотации. Основное количество пользователей хэштэга #Russia в социальной сети Twitter относится к индивидуальным акторам, характеризующимся «нерефлексивным потреблением» контента, чьи политические предпочтения и установки неустойчивы и подвержены динамическим изменениям, связанным с деятельностью по производству дискурса институционализированных политических субъектов.

Ключевые слова: поляризация политического дискурса, политическая субъектность, сетевая публичная политика, онлайн-пространство, социальная платформа Twitter, политико-культурные установки

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 18-011-00975 А «Субъективное пространство политики: возможности и вызовы сетевого общества». (The article was prepared within the framework of the RFBR project No. 18-011-00975 A "Subjective Policy Space: Opportunities and Challenges of the Network Society".)

**POLARIZATION OF DISCOURSE SPACE
(ON THE EXAMPLE OF HASHTAG #RUSSIA IN THE TWITTER SOCIAL NETWORK)**

Miroshnichenko Inna V., D.Sc. (Policy), Associate Professor
Kuban State University
149 Stavropolskaya St., Krasnodar, 350040, Russian Federation
E-mail: mirinna78@mail.ru

Ryabchenko Natalya A., Ph.D. (Policy), Associate Professor
Kuban State University
149 Stavropolskaya St., Krasnodar, 350040, Russian Federation
E-mail: rrmatali@mail.ru

Gnedash Anna A., Ph.D. (Policy), Associate Professor
Kuban State University
149 Stavropolskaya St., Krasnodar, 350040, Russian Federation
E-mail: anna_gnedash@inbox.ru

This article substantiates the explanatory model of discursive practices of the actualization of the political subjectivity of socio-political actors in the network of public policy. Using the methodology of structural and relational network analysis in the research case of the Russia hashtag on the social network Twitter, the authors reveal empirically fixed signs of various levels of discursive practices of social and political actors and the "role" characteristics of their political subjectivity, performing various functions of "producer," "consumer" or "Repeater" of political discourse. Structural diversity of network communities in the online space of network public policy acquires clear political and cultural attitudes of specific political actors, which, through discursive practices, form cognitive patterns and models causing emotional and axiological perception of politics and political behavior not only of individual citizens, but also of communities of national scale. The polarization of users of the "#Russia" debating core of the Twitter social platform showed that the discursive practices of institutional design of political reality, which were demonstrated by "opinion leaders" by US Senator James Lankford and the representative office of the Russian international multilingual information television channel "RT" can be broadcast by value-oriented communities – "sensors", Which, sharing the cognitive models of "opinion leaders", give the content its own connotations. The main number of users of the Russia hashtag on the social network Twitter refers to individual actors characterized by "non-reflective consumption" of content, whose political preferences and attitudes are unstable and subject to dynamic changes associated with discourse production activities of institutionalized political actors.

Keywords: polarization of political discourse, political subjectivity, network public policy, online space, social platform Twitter, political and cultural attitudes

Современная конфигурация субъективного пространства политики и его динамика неразрывно связана с глубокими общественными трансформациями, изменяющими институциональные и социокультурные основания современного мира. В научном дискурсе сложилось чёткое представление о том, что современная реальность представляет новый качественный этап общественного развития, в котором человек с возрастающей сложностью своего существования становится ключевым субъектом социальных и политических изменений. Рефлексия о стремительно изменяющейся социальной реальности, которая отражается во множестве метафорических определений («индивидуализированное общество» З. Баумана [1], «общество риска» У. Бека [2], «сетевое общество» М. Кастельса [3], "infomodernity" И. Семененко, В. Лапкина [4]), фиксирует тектонические сдвиги в сознании и поведении, в потребностях и мотивациях современного человека, механизмах его самоидентификации, которые происходят под влиянием продолжающейся технологической революции. В большой политике и политике повседневности увеличивается численность представителей цифрового поколения, граждан, взрослых одновременно с экспонентным развитием интернета, что актуализирует новые практики политической жизни – сетевой публичной политики. Сетевая публичная политика «разворачивается в интегрированном с Интернет-средой публичном пространстве и представляет собой одновременно процесс и результат взаимодействия широкого круга разнообразных социально-политических акторов, использующих сетевые ресурсы и технологии для выработки способов решения проблем общественной значимости и их интеграции в

управленческую практику» [5, с. 251]. Политическая субъектность в сетевой публичной политике приобретает новые черты, определяющиеся изменением специфики политического ландшафта, состоящего из разнообразных по своей природе социально-политических акторов, их социокультурных характеристик, а также наращиванием у них ресурсов коммуникативной власти.

Сетевая включённость социально-политических акторов в потребление, производство и тиражирование политического дискурса становится одним из ключевых ресурсов актуализации политической субъектности независимо от характера институционализации (гражданин или политический лидер, политическая партия или сообщество граждан, средство массовой информации или блогер, некоммерческая организация или движение граждан) и их политико-культурных характеристик (идентичности, политических ориентаций и поведения). Дискурсивность становится императивом институциональных практик сетевой публичной политики, с помощью которых фрагментируются и консолидируются на основе политических ценностей новые сообщества, определяются политические лидеры и аутсайдеры.

Характер дискурсивных практик социально-политических акторов определяется политико-культурными формами их формирующей субъектности. На первом уровне – латентном, или нерефлексивном, потреблении – индивидуальный актор (гражданин) погружается в политическую действительность через индивидуализацию сетевых коммуникаций онлайн-пространства, потребляя контент о политике через практики политической повседневности (новости, мемы, юмор и т.д.), осваивая таким образом набор ситуативных социальных ролей и поведенческих стандартов в сфере политики. Содержательная специфика потребления и распространения контента по каналам сетевой коммуникации в онлайн-пространстве маркирует не только индивидуальные предпочтения индивидуальных пользователей в виде симпатий, проявленного интереса и др., но и их политическое поведение. На данном уровне сетевой публичной политики индивидуальный актор выполняет функцию, как правило, нерефлексивного «потребителя» политического дискурса, который производится политическими акторами.

На втором уровне сетевой включённости социально-политических акторов в политике происходит субкультурное позиционирование сетевых сообществ, которое тесно связано с такими социальными механизмами, как идентичность / идентификация, социализация, интериоризация. На данном этапе формируются политико-культурные паттерны, типичные для среды определённых сетевых сообществ, регулирующих политическое поведение индивидуальных акторов, и конституируются сетевые сообщества. Под сетевыми сообществами понимается совокупность социальных взаимоотношений и социальных связей акторов, действующих в различных средах (офлайн и онлайн), т. е. между определёнными индивидами и самими индивидами, объединёнными коллективной идентичностью и общностью нормативно-ценностных схем, позволяющих им обмениваться различными видами ресурсов в процессе их взаимодействия. На уровне механизмы сетевой коммуникации дают возможность личности через осмысление ценностных ориентиров своей деятельности формировать себя как активного субъекта, способного не только позиционировать себя, но и развивать собственную систему социальной идентичности, «встраиваясь» на основе приоритетных идентификаций в позиционирование солидарных сообществ. Механизм сетевой коммуникации даёт возможность личности осуществить собственную презентацию своей реальной жизни и солидаризироваться во мнении, действиях с другими гражданами в сетевом формате. У личности появляется возможность не только заявить, но и благодаря сетевой коммуникации «закрепить» статус своих идентичностей. В результате формируются принципиально новые персонализируемые сообщества – сети межличностных связей и взаимодействий, основанные на социальной идентичности и обеспечивающие производство дискурса, его распространение и поддержку среди большого количества пользователей. Они реализуют личные потребности в обществе, опираясь на новые коммуникационные возможности, что, в свою очередь, способствует их встраиванию в глобальное цифровое пространство социальности, созданное интернетом. На этом уровне происходит производство политического дискурса и его социокультурное «маркирование» (когнитивное, аффективное, ценностное) по отношению к другим политическим акторам. «Маркерами» субкультурного позиционирования сетевых сообществ в онлайн-пространстве являются содержание и плотность дискурсивных связей, а также наличие «триггеров», с помощью которых запускаются «посылы» на конкретные гражданские и политиче-

ские действия. Данные персонализированные сообщества, производящие контент, становятся дискурсивными ядрами политической действительности, поляризующие глобальные и национальные сообщества по ключевым вопросам политической жизни и влияющие на деятельность политических субъектов в процессе принятия решений.

«Производители» контента, наращивая ресурсы коммуникативной власти в пространстве сетевой политики, имеют потенциал для конструирования политических действий как мобилизационного, так и институционального характера, так как производимый ими дискурс разделяется и поддерживается большим числом граждан. В данном случае речь идёт о третьем уровне дискурсивности политических субъектов, с помощью которого становится возможным институциональное проектирование политической деятельности (политических решений, политических режимов, «гибридных» войн и т.д.).

Таблица

Уровни дискурсивных практик социально-политических акторов сетевой публичной политики

Уровни дискурсивных практик социально-политических акторов	«Ролевые» характеристики социально-политических акторов	Эмпирически фиксируемые группы признаков дискурсивных практик
Уровень нерелексивного потребления контента	Нерелексивное поведение индивидуальных акторов	«Маркирование» контента, отражающее индивидуальные предпочтения пользователей в виде симпатий, проявленного интереса и др., предоставление контента, фиксирующего политическое поведение пользователей
Уровень субкультурного позиционирования сетевых сообществ, производящих дискурс	Сетевые сообщества, политические лидеры, блогеры, политические технологи», производящие политический дискурс и распространяющие его. Участники сетевых сообществ, потребляющие и тиражирующие политический дискурс	«Маркерами» сетевых сообществ-производителей новых идентичностей и паттернов поведения являются содержание и плотность дискурсивных связей, а также наличие «триггеров», с помощью которых запускаются «посылы» на конкретные гражданские и политические действия
Уровень институционального проектирования политической деятельности	Политические субъекты, производящие политический дискурс, с помощью которого проектируется политическая деятельность. Граждане, разделяющие политический дискурс политических субъектов, включающихся в поддержку политических решений на мобилизационном (протестная деятельность, действия в вооружённых конфликтах или гибридных войнах) институциональном уровне (голосование на партию или политического лидера, членство в общественной организации, рейтинговая поддержка политических решений)	«Маркирование» политических действий в офлайн-среде

В рамках данного исследования была апробирована методика сетевого анализа онлайн-пространства публичной политики, позволяющая выявлять и дифференцировать на основе дискурсивных практик политико-культурные паттерны, производимые и тиражируемые социально-политическими акторами.

Методологическим основанием исследования дискурсивных практик политических акторов в онлайн-пространстве сетевой публичной политики является интеграция методов структурного сетевого анализа и реляционной социологии. Структурный сетевой анализ позволяет выявлять устойчивые отношения между социальными объектами (узлами) [13, р. 155–200], а также фиксировать глубинные структуры, определяющие содержание отношений между

узлами социального взаимодействия (социальной сети) [7, p. 1384–1446]. С помощью методов реляционного анализа, которые получили своё распространение в рамках развития постмодернистской социологии, стало возможным определить в структуре социальных взаимодействий культурно-деятельностные характеристики [8, p. 281–317]. Методы реляционной социологии дают возможность исследователям выйти за пределы математических моделей, описывающих структуру социальных взаимодействий, изучая их параметры в культурных и интерсубъективных контекстах [10, p. 871–887].

В качестве объекта исследования выступили пользователи социальной платформы Twitter, которая, согласно данным аналитической кампании Brand Analytics, является лидирующей социальной платформой по количеству публикуемых сообщений – 479206650 в мае 2018 г., по сравнению с социальными платформами Facebook (429276793 сообщений) и Instagram (216919992 сообщений) за то же время. Кейсом для выявления характера дискурсивных практик и форм политической субъектности пользователей социальной платформы Twitter стал хэштег #Russia, который по результатам проведённого количественного анализа стал лидером в политическом таггеировании сетевого сервиса.

Проведя дискурсивный анализ сообщений в социальной сети Twitter, мы получили выборку пользователей, которые, размещая информацию в этой социальной платформе, маркируют ее хэштегом #russia (рис. 1).

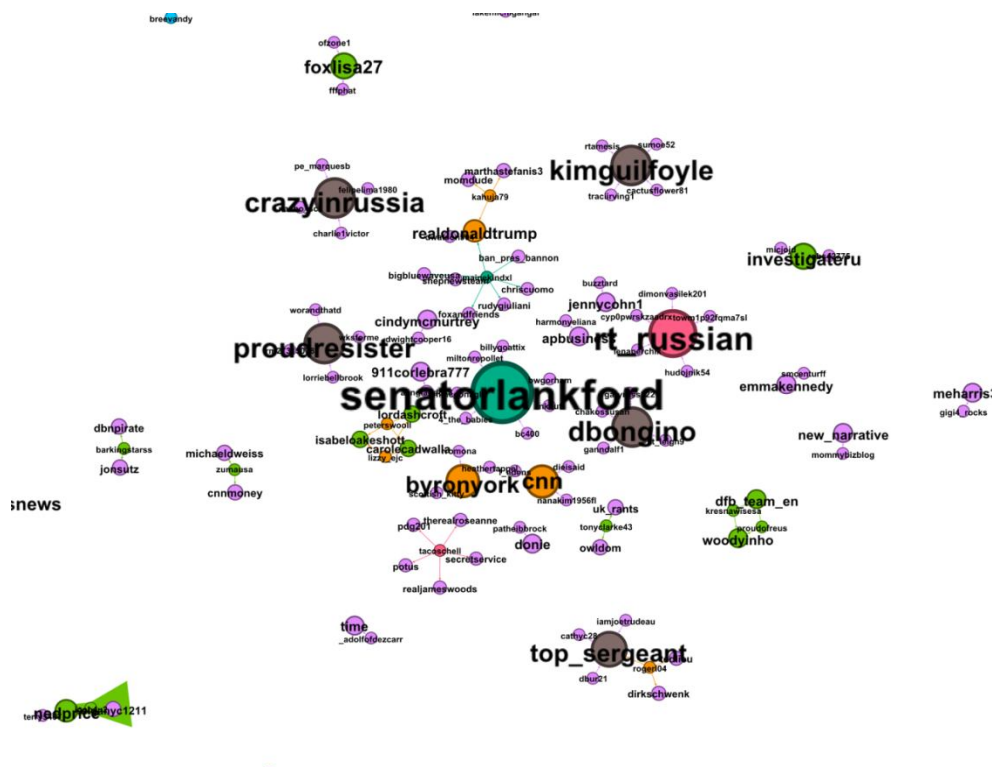

Рис. 1. Дискуссионное ядро #Russia

Результаты проведенного структурно-реляционного анализа показали, что дискуссионное ядро #Russia является ориентированным социальным графом с высокой степенью модулярности – 0,965 (модулярность – это структурная характеристика, максимальное значение – 1). Такая степень модулярности позволяет характеризовать данное дискуссионное ядро как сложную внутреннюю структуру, содержащую большое количество подсетей – сообществ (см. рис. 1). Всего в анализируемом ядре насчитывается 48 сообществ, продуцирующих различный контент, который определяет дискурсивные практики пользователей в отношении политического имиджа России как государства.

Несмотря на высокую степень структурной дифференциации дискуссионного ядра #Russia и большое количество его пользователей (около 4 млн), реляционный анализ показал, что содержательно дискурсивные практики пользователей более однородны и имеют биполярную структуру. Показатель PageRank позволяет определить наиболее важных пользователей, продуцирующих и тиражируемых в Twitter среди сетевых сообществ контент в отношении политических практик России в анализируемом ядре. Данный показатель позволяет вычислить вес информации, которую размещает пользователь, и определить количество ссылок на публикуемый пользователем контент. Чем больше показатель PageRank у пользователя, тем больше людей ссылаются на информацию, которую он размещает на своем аккаунте. Данные реляционного анализа показали, что в анализируемом дискуссионном ядре можно выделить двух лидеров мнения с максимальным показателем PageRank (чем выше показатель, тем больше диаметр вершины, входящей в дискуссионное ядро, визуализированное на рис. 1): пользователь @senatorlankford – 0,285; пользователь @rt_russian – 0,216.

Пользователь Дж. Лэнкфорд, имеющий страницу в социальной платформе Twitter @senatorlankford, является американским политиком, членом Республиканской партии, сенатором США от штата Оклахома (с 2015 г.). Он известен своей острой критикой в адрес России и её вмешательства в выборы президента США в 2016 г. Он заявил: «Россия вмешивается в выборы и распространяет пропаганду по всему миру, чтобы вызвать нестабильность и сомнения в правительствах, потому что они считают, что им выгоден хаос и потеря доверия к институтам США. Компаниям, работающим в социальных сетях, важно публиковать этот контент, чтобы американцы знали, что он фальшивый. Я полагаю, что наше правительство не возьмёт на себя ответственность разоблачать это» [11].

Пользователем страницы @rt_russian в социальной платформе Twitter является официальным представительством российского международного многоязычного информационного телеканала RT, включающего восемь новостных и документальных каналов, информационные онлайн-порталы на шести языках, а также глобальное мультимедийное агентство RUPTLY, предлагающее эксклюзивные материалы телеканалам всего мира. Согласно данным с официального сайта RT [6], телеканал даёт альтернативный взгляд на текущие события, освещая сюжеты, не попавшие на страницы и экраны мировых СМИ, а также знакомит свою аудиторию с российской точкой зрения на важнейшие международные события и события в Российской Федерации.

Каждый из выделенных лидеров мнений образует собственное сетевое сообщество, которое потребляет и поддерживает продуцируемый лидером мнений политический дискурс, не пересекающийся с контентом, размещаемым на аккаунте полярного лидера мнений. Если мы отберем всех пользователей, включённых в дискуссионное ядро и имеющих показатель PageRank выше среднего (среднее значение PageRank для данной выборки – 0,006) и степенью выше 1, то мы получим центральную часть дискуссионного ядра, представленную лидерами мнений и сенсорами (рис. 2). Важно, что в сложившихся сетевых сообществах тиражирование продуцируемого популярными лидерами мнений политического дискурса происходит с помощью пользователей-сенсоров [12, р. 143–149]. Это влияет на формирование системы политико-культурных установок пользователей дискуссионного ядра. Тиражирование политического дискурса происходит посредством механизмов репоста, комментирования, использования кнопки «нравится» пользователями (сенсорами), потребляющими и воспроизводящими контент, публикуемый лидерами мнений.

Если мы определим для каждого пользователя, входящего в центр дискуссионного ядра #Russia, набор основных хэштегов, которые он использует для маркирования размещаемой им в Twitter информации, мы сможем описать дискурсы, которые составляют анализируемое дискуссионное ядро (рис. 3). Набором из связанных друг с другом 216 хэштегов образуют устойчивый дискурс, разделяемый большинством пользователей Twitter.

Из рисунка 3 видно, что хэштег #Russia не имеет прямых устойчивых связей ни с одним из представленных хэштегов. Это означает, что наборы политико-культурных паттернов формируются в этом дискуссионном ядре стихийно и опосредованно через косвенные взаимосвязи. Сетевые сообщества, формирующиеся в этом ядре, неустойчивы и динамичны как по составу, так и по степени влияния на все дискуссионное ядро. Образующим элементом в этих сетевых

сообществах являются различные дискурсы, способные объединить пользователей с разными социально-политическими статусами для реализации их собственных потребностей и задач.

Рис. 2. Лидеры мнений и сенсоры дискуссионного ядра #Russia

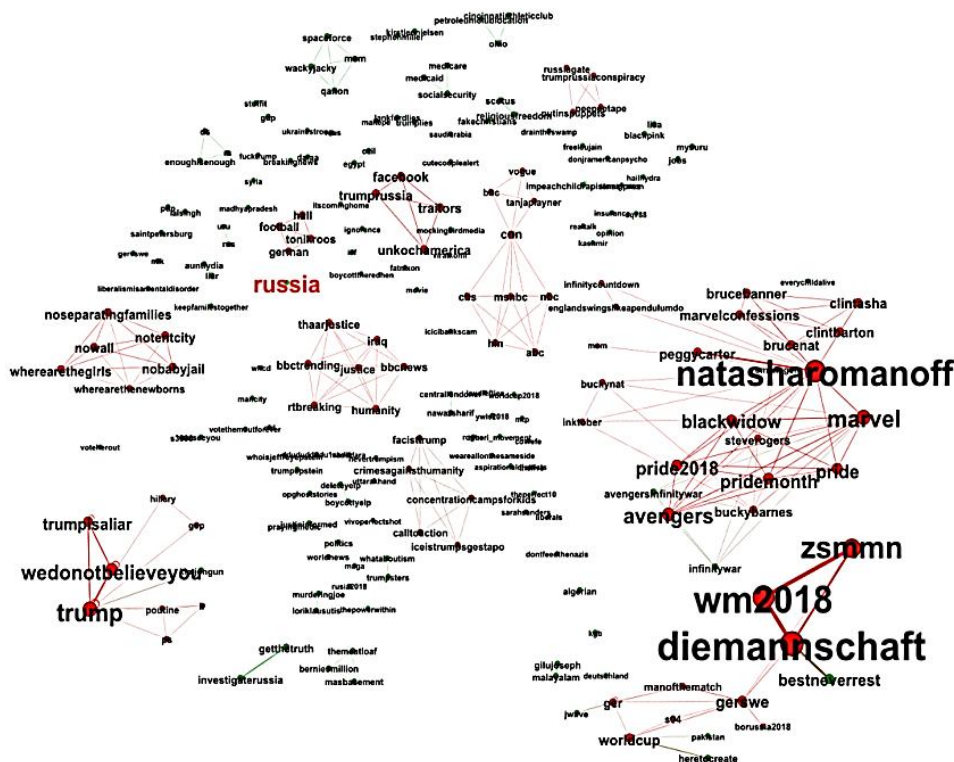

Рис. 3. Дискурс в Twitter, связанный с хэштегом #russia

В анализируемом дискуссионном ядре на данный момент присутствуют несколько устойчивых дискурсов (они выделены крупными красными ядрами на рис. 3). Основной дискурс, опосредованно связанный с Россией, – это обсуждение проходящего в России Чемпионата мира по футболу. Но удалённость хэштега #russia от хэштегов, связанных с Чемпионатом мира означает, что пользователи в интернет-пространстве скорее обсуждают Чемпионат мира по футболу, нежели факт того, что Чемпионат проходит в России. Ещё один крупный дискурс связан с обсуждением одного из ключевых персонажей киновселенной Marvel Comics – Natasha Romanoff –

бывшей советской шпионки, перешедшей на работу в американское секретное подразделение. В данном случае образ России стихийно формируется голливудской киноиндустрией и имеет огромное значение, так как миллионы людей во всем мире видят образ советской шпионки, предавшей свою страну и успешно строящей свою карьеру в американских силовых структурах.

В непосредственной близости от хэштега #russia мы можем выделить несколько дискурсов о президенте США Д. Трампе и неутраченных информационных волн обсуждения участия России во внутренней политике США. Также мы можем сделать вывод о том, что в фокусе внимания крупных медийных корпораций, таких как CNN, – внутренняя политика США, в том числе по вопросам, связанным с миграцией и нелегальными беженцами.

Сочетание методики контент-анализа с методом экспертных оценок позволило нам классифицировать политико-культурные установки [9, р. 32] пользователей социальной платформы Twitter, участвующих в производстве, потреблении и тиражировании политического дискурса в отношении России. В основу этой классификации были положены маркеры политического дискурса, основанные на доминировании политических установок (когнитивные, аффективные, ценностные оценки).

Маркерами когнитивно-ориентированных установок дискурса пользователей социальной платформы Twitter стал контент, в котором фигурируют названия политических институтов, политических лидеров, институтов гражданского общества и гражданских лидеров без оценочных номинаций. Маркирование аффективно-ориентированного дискурса пользователей происходит на основе классификации эмоционально окрашенного контента (позитивно или негативно), тогда как ценностно-ориентированный дискурс представлен контентом, в котором присутствуют оценочные номинации с позиции различных ценностных / идеологических систем.

В результате анализа эмпирических данных, сочетающего количественную и качественные стратегии, дифференциация пользователей в зависимости от их политико-культурных установок в производстве, потреблении и тиражировании политического дискурса в дискуссионном ядре #russia социальной платформы Twitter, распределилась следующим образом.

Анализируемое дискуссионное ядро #Russia состоит из 23,44 % пользователей сетевых сообществ, способных адекватно воспринимать политическую систему России, основываясь на объективных знаниях и критично осмысленной информации. Данные пользователи способны к разоблачению политических мифов. На 23,92 % пользователей сетевых сообществ дискуссионного ядра в потреблении и тиражировании контента влияют сложившиеся социальные стереотипы и убеждения, которые заставляют граждан отбирать и воспринимать только «удобную», не противоречащую их эмоциональному состоянию информацию. 9,09 % представителей сетевых сообществ дискуссионного ядра являются ценностно-ориентированными с точки зрения потребления и воспроизводства контента. Они создают наиболее устойчивые сетевые структуры, которые участвуют в формировании традиционных и новых идентичностей, политико-культурных паттернов сообществ. Важно, что в представленных эмпирических данных появился комплементарный блок, представленный пользователями «пограничных сообществ», которые при изменении характера тиражируемых дискурсивных практик могут переориентировать пользователей. Высокая доля комплементарного блока подтверждает вывод о динамичности и нестабильности сообществ, включённых в дискуссионное ядро.

Данный исследовательский кейс показал, что пространство сетевой публичной политики структурируется многочисленными потоками дискурсивных практик многообразных социально-политических акторов различного уровня институционализации политической субъектности, действующих как в рамках географии онлайн-пространства национальных политических систем, так и в масштабах глобального политического сообщества. При этом каждый использующий сервисы глобальной сетевой коммуникации независимо от формы своей политической субъектности (на уровне практик политической повседневности или же будучи реальной политической силой) включён в процессы воспроизводства коммуникативной власти, выполняя различные функции «производителя», «потребителя» или «ретранслятора» политического дискурса. Фактическое многообразие сетевых сообществ в любом географическом и тематическом сегменте публичного онлайн-пространства, которое выявляется с помощью структурного сетевого анализа, в срезе реляционного сетевого анализа приобретает другие конфигурации, отражая качественные характеристики субъективного пространства сетевой публичной

политики. Структурное многообразие сетевых сообществ в онлайн-пространстве сетевой публичной политики обретает чёткие политико-культурные установки конкретных политических субъектов, которые посредством дискурсивных практик формируют когнитивные схемы и модели, обуславливающие эмоциональное и ценностное восприятие политики и политическое поведение не только отдельных граждан, но и сообществ национального масштаба. Поляризация пользователей дискуссионного ядра #Russia социальной платформы Twitter показала, что дискурсивные практики институционального проектирования политической действительности, которые продемонстрировали «лидеры мнений» американский сенатор Джеймс Лэнкфорд и представительство российского международного многоязычного информационного телеканала RT могут транслироваться ценностно-ориентированными сообществами – «сенсорами», которые, разделяя когнитивные модели «лидеров мнений», придают контенту собственные коннотации. В то же время основное количество пользователей относится к индивидуальным акторам, характеризующимся «нерефлексивным потреблением» контента, чьи политические предпочтения и установки неустойчивы и подвержены динамическим изменениям, связанным с деятельностью по производству дискурса институционализированных политических субъектов. Данный исследовательский подход открывает новые возможности изучения сетевой логики стремительно изменяющегося субъективного пространства, которая, в свою очередь, создаёт условия для нарастания кризисных явлений и снижения уровня управляемости государства и других субъектов политики.

Список литературы

1. Бауман, З. Индивидуализированное общество / З. Бауман. – Москва : Логос, 2005. – 390 с.
2. Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек. – Москва : Прогресс-Традиция, 2000. – 383 с.
3. Кастельс, М. Информационная эпоха: Экономика, общество, культура / М. Кастельс. – Москва : Высшая школа экономики, 2000 (1996–1998). – 458 с.
4. Лапкин, В. В. «Человек политический» перед вызовами «infomodernity» / В. В. Лапкин, И. С. Семенов // Полис. – 2013. – № 6. – С. 65–66.
5. Публичная политика: институты, цифровизация, развитие / под ред. Л. В. Сморгунова. – Москва : Аспект Пресс, 2018. – 349 с.
6. AboutRT. – Режим доступа: <https://www.rt.com/about-us>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.
7. Boorman, S. A. Social Structure from Multiple Networks. II. Role Structures / S. A. Boorman, H. C. White // American Journal of Sociology. – 1976. – № 81 (6). – P. 1384–1446.
8. Emirbayer, M. Manifesto for a Relational Sociology / M. Emirbayer // American Journal of Sociology. – 1997. – № 103 (2). – P. 281–317.
9. Mayer, L. C. Comparative Politics. Nations and Theories in a Changing World / L. C. Mayer, J. H. Burnett, S. Ogden. – New Jersey, 1993.
10. Mutzel, S. Networks as Culturally Constituted Processes: A Comparison of Relational Sociology and Actor-Network Theory / S. Mutzel // Current Sociology. – 2009. – № 57 (3). – P. 871–887.
11. Russian Trolls Weigh In on Roseanne Barr and Donald Trump Jr. – Режим доступа: <https://www.wsj.com/articles/russian-trolls-weigh-in-on-roseanne-barr-and-donald-trump-jr-1529425771?mod=searchresults&page=1&pos=1>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.
12. Ryabchenko, N. A. Types of users of online social networks: theoretical and methodological bases for classification / N. A. Ryabchenko, A. A. Gnedash // Information society technologies in science, education and culture. Internet and Contemporary Society (IMS-2014): a collection of scientific articles. – St. Petersburg : University of ITMO, 2014. – P. 143–149.
13. Wellman, B. Network Analysis: Some Basic Principles / B. Wellman // Sociological Theory. – 1983. – № 1. – P. 155–200.

References

1. Bauman Z. *Individualizirovannoe obshchestvo* [Individualized society]. Moscow, Logos Publ., 2005, 390 p.
2. Beck U. *Obshchestvo riska na puti k drugomu modern* [Risk Society. On the way to another modernity]. Moscow, Progress-Traditsiya, 2000, 383 p.
3. Castells M. *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo, kultura* [Information Age: Economy, Society, Culture]. – Moscow, State University Higher School of Economics Publ., 2000 (1996–1998), 458 p.
4. Lapkin V. V., Semenenko I. S. *Chelovek politicheskii pered vyzovami infomodernity* [“Political Man” before the challenges of “infomodernity”]. *Polis*, 2013, no. 6, pp. 65–66.

5. *Publichnaya politika: instituty, cifrovizaciya, razvitie: kollektivnaya monografiya* [Public policy: institutions, digitalization, development: Collective monograph]. Ed. by L. V. Smorgunova. Moscow, Aspect Press Publ., 2018, 349 p.
6. About RT. Available at: <https://www.rt.com/about-us>.
7. Boorman S. A., White H. C. Social Structure from Multiple Networks. II. Role Structures. *American Journal of Sociology*, 1976, no. 81 (6), pp.1384–1446.
8. Emirbayer M. Manifesto for a Relational Sociology. *American Journal of Sociology*, 1997, no. 103 (2), pp. 281–317.
9. Mayer L. C., Burnett J. H., Ogden S. *Comparative Politics. Nations and Theories in a Changing World*. New Jersey, 1993.
10. Mutzel S. Networks as Culturally Constituted Processes: A Comparison of Relational Sociology and Actor-Network Theory. *Current Sociology*, 2009, no. 57 (3), pp. 871–887.
11. Russian Trolls Weigh In on Roseanne Barr and Donald Trump Jr. Available at: <https://www.wsj.com/articles/russian-trolls-weigh-in-on-roseanne-barr-and-donald-trump-jr-1529425771?mod=searchresults&page=1&pos=1>.
12. Ryabchenko N. A., Gnedash A. A. Types of users of online social networks: theoretical and methodological bases for classification. *Information society technologies in science, education and culture. Internet and Contemporary Society (IMS-2014)*. St. Petersburg, University of ITMO Publ., 2014, pp. 143–149.
13. Wellman B. Network Analysis: Some Basic Principles. *Sociological Theory*, 1983, no. 1, pp. 155–200.

**ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО МИФА
КАК РЕСУРСА ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА БУДУЩЕГО В МАССОВОМ СОЗНАНИИ
(на примере России)**

Белов Сергей Игоревич, кандидат исторических наук
Музей Победы
Российская Федерация, 121170, г. Москва, ул. Братьев Фонченко, 10
E-mail: belov2006s@yandex.ru

Представленное исследование посвящено оценке перспектив использования политического мифа как ресурса формирования образа будущего в массовом сознании. Методология исследования построена на использовании дескриптивного анализа. На основе проведённых изысканий сделан вывод о том, что образ будущего может быть эффективно смонтирован на базе политического мифа, но лишь при условии модернизации последнего. В структуре мифа должно быть снижено присутствие манипулятивных элементов. На стадии формирования повестки мифа к его созданию должны быть опосредованно привлечены широкие слои населения. Миф необходимо привязать к кратко- или среднесрочной перспективе в плане реализации образа будущего. Его структура должна выстраиваться вокруг достижения конкретной сверхцели. Создание футуромифа должно сопровождаться не только выработкой комплекса символов и взаимосвязанных с ним ритуалов, но и реализацией поставленных задач на практике. Аудитории необходимо как минимум демонстрировать движение к поставленной цели. Последнее вместе с конструированием образа «врага» должно частично нивелировать риски, связанные с заявленной краткосрочностью воплощения в жизнь планов, кодифицированных в образе будущего.

Ключевые слова: политический миф, образ будущего, манипулятивные практики, идентичность

**PROSPECTS FOR USING THE POLITICAL MYTH AS A RESOURCE
FOR SHAPING THE IMAGE OF THE FUTURE IN THE MASS CONSCIOUSNESS
(on the example of Russia)**

Belov Sergey I., Ph.D. (History)
Victory Museum
10 Bratev Fonchenko St., Moscow, 121170, Russian Federation
E-mail: belov2006s@yandex.ru

The presented research is devoted to an assessment of the prospects for using the political myth as a resource for shaping the image of the future in the mass consciousness. The research methodology is based on the use of descriptive analysis. Based on the research conducted, it was concluded that the image of the future can be effectively mounted on the basis of a political myth, but only if the latter is modernized. The structure of